

Монография Е.В. Перехвальской, как следует из ее названия, посвящена прежде всего русским пиджинам (т. е. пиджинам, возникшим на основе русского языка). Эта тема практически не освещена в научной литературе, особенно отечественной. Автор рассматриваемой монографии – один из очень небольшого числа исследователей, занимающихся контактными языками и, в частности, пиджинами, образовавшимися при участии русского языка. По словам самой Е.В. Перехвальской (ср. также [Перехвальская 2006]), основное внимание в мировой креолистической и контактологической литературе уделяется пиджинам, креольским и смешанным языкам, возникшим на романской и германской основе, а все эти образования складывались, как правило, в условиях работорговли и крупных плантаций. Этот факт ставит под сомнение многие выводы, которые делает креолистика, поскольку всегда остается вероятность того, что описываемые процессы не являются универсальными. Так возникает другая тема, достаточно подробно освещаемая в книге, – это общие проблемы креолистики. Тем самым, перед нами не чисто описательная работа: ведь изучение пиджинов, возникших в других условиях, на основе языков иного типа, оказывается чрезвычайно важным для теории языковых контактов и креолистики: оно может пролить свет на механизмы пиджинизации вообще. К сожалению, русские пиджины изучены с этой точки зрения к настоящему времени совершенно недостаточно. В мировой научный оборот введен только русско-норвежский пиджин, или руссе-

норск, а также «смешанный» алеутско-медновский язык; по остальным русским пиджинам имеются лишь фрагментарные публикации. В отечественной лингвистике встречаются упоминания «кяхтинского языка», или «маймачинского наречия», а также «таймырской говорки» [Беликов 1997]. Что касается сибирского пиджина, описанию которого уделено основное внимание в рассматриваемой монографии, то, насколько нам известно, других подобных исследований этого феномена не существует. Из работ последнего времени можно отметить только книгу Е.А. Оглenezевой, посвященную русско-китайскому пиджину [Оглenezева 2007], материалы по которому рассматривались и в докторской диссертации этого автора [Оглenezева 2009].

Монография Е.В. Перехвальской разделена на две части. Первая часть – «Интерпретация» – состоит из введения, трех глав и заключения. Эта часть посвящена основным проблемам современной креолистики, теории языковых контактов, вопросам изучения русских пиджинов в рамках общей креолистики. Здесь также представлено краткое описание грамматического строя и лексического состава русских пиджинов, прежде всего, дальневосточного варианта сибирского русского пиджина. Вторая часть – «Материал» – представляет собой корпус материалов по русским пиджинам и другим типам идиомов, формировавшихся при участии русского языка. В конце этой части приводится «Словарь сибирского пиджина» – все обнаруженные и сведенные воедино автором монографии лексические материалы

по сибирскому пиджину, зафиксированные в разное время различными авторами.

Остановимся подробнее на каждой из частей книги.

Введение, определяя цели и задачи исследования, попутно также кратко знакомит читателя с такой областью языкознания, как креолистика. В первой главе рассматриваются общие вопросы теории языковых контактов и креолистики. Автор опирается на классификацию языков с точки зрения социолингвистической типологии, предложенную Р.Т. Беллом [Белл 1980]. Согласно этой классификации выделяется несколько типов языков, из которых в работе особо рассматриваются: пиджин, креольский язык, X-ированный язык¹, интерязык (в рецензируемой монографии этот термин встречается именно в таком написании, у Белла – *интер-язык*, мы будем также придерживаться этого варианта), региональный язык, язык для иностранцев. Помимо этого, автор привлекает к исследованию еще несколько типов языков, не включенных в классификацию Белла, а именно: креолизированные языки (предлагается использовать этот термин для разграничения собственно креольских языков, возникших в результате нативизации пиджинов, и языков, в истории которых происходили процессы, сходные с креолизацией, но которые не прошли стадию пиджина, хотя автор признает и этот термин не вполне удачным), смешанные языки и лингва-франка.

Главенствующее место в данной работе занимают пиджины. По определению автора, пиджин – это редуцированный идиом, возникший в условиях «экстремальных» языковых контактов в результате повторения ситуации общения между двумя или несколькими группами одних и тех же людей, не имеющих общего языка. В вопросе этимологии слова «пиджин», по общепринятому мнению, восходящего к названию китайско-английского пиджина «Pidgin-English», автор склоняется к наиболее распространенной точке зрения о происхождении этого слова из китайского варианта произношения английского *business* ‘дело’. Приводятся и другие варианты этимологии, однако наблюдается скептическое отношение автора к этим вариантам, в особенности к варианту, предложенному в 2007 г. китайским исследователем Ян Цзе и воз-

водящему слово *пиджин* к китайскому *bīzhēn* (бичжэнь) ‘настоящий, очень похожий’ [Ян Цзе 2007], хотя, на наш взгляд, данная теория заслуживает пристального внимания. Этимология Ян Цзе представляется нам гораздо более «правдоподобной», чем традиционное мнение о связи слова *пиджин* с *business*.

В результате сопоставления пиджина с другими типами языков выявляются следующие его отличительные черты:

- от лингва-франка пиджин отличается тем, что нет такого народа, для которого он был бы родным;

- в отличие от креольского языка, смешанного языка, языка для иностранцев и регионального варианта, пиджин не является родным ни для кого из индивидуумов, использующих его;

- в отличие от X-ированного варианта языка, представляющего собой форму того же языка, пиджин – это другой язык, имеющий иную грамматическую структуру;

- пиджином пользуются обе стороны, участвующие в процессе коммуникации, в то время как для интер-языка характерно его использование только одной из сторон.

Помимо социолингвистических, пиджины как особый языковой тип обладают и собственными лингвистическими особенностями, разделяемыми всеми пиджинами. Лексика заимствуется из «языка-лексификатора», обычно представляющего собой язык более престижной группы, имеются случаи заимствования лексики из двух языков, словарь пиджина преимущественно невелик, характерной чертой является использование перифрастических конструкций. С точки зрения грамматической структуры, пиджины обнаруживают заметное сходство между собой, проявляющееся, прежде всего, в редукции грамматической системы языка-лексификатора. По мере своего развития пиджины усложняют грамматику, расширяют словарь и могут постепенно превращаться в обычные языки.

Рассматривая теории формирования пиджинов, автор останавливается на двух основных проблемах: источник модели пиджинизации и проблема субстрата, больше затрагивающая процессы формирования креольских языков. Касательно первого вопроса существует две основные группы теорий – моногенеза и полигенеза, обе группы довольно подробно описываются в монографии. Автор не отказывается полностью от теории моногенеза, согласно которой сходство пиджинов и креольских языков объясняется распространением единой модели, но, рассмотрев несколько теорий независимого возникновения пиджинов (теория детской речи, теория языка для иностранцев, теория поэтапно-

¹ «Иксированный язык Y» – термин, заимствованный автором у Белла, который, в свою очередь, использует его вслед за Д. Хаймсом. «X-ированный язык» – это региональный вариант языка, не являющийся родным ни для кого из говорящих на нем, не обладающий кодифицированной нормой, но имеющий норму «де-факто» (с. 15).

го удаления от языка-источника, теория «прагматического кода»), приходит к выводу, что выдвинутое Т. Гивоном понятие «прагматического кода»² наиболее плодотворно при объяснении механизмов пиджинизации. Как отмечает автор монографии, сходство различных пиджинов, в том числе и «независимых», обусловлено сходством механизма редукции разных языков. При быстрой пиджинизации язык редуцируется до ситуации, близкой к «прагматическому коду», причиной чего является универсальность самого прагматического кода, оказывающегося свойством человеческого языка.

При рассмотрении вопроса условий пиджинизации в монографии выделяются следующие социолингвистические условия как наиболее релевантные для возникновения нового пиджина:

- наличие ситуации нового контакта;
- стандартность ситуации контакта;
- отсутствие языка общения;
- отсутствие билингвизма;
- отсутствие мотивации к изучению другого языка.

Начальной стадией развития пиджина является жаргон (идиом, близкий к прагматическому коду), или редуцированный пиджин. Для стабилизации жаргона в полноценный, стабильный пиджин требуется собственная выработанная им норма «де-факто». Расширение сфер употребления пиджина, обогащение словаря, усложнение грамматической структуры приводит к появлению «расширенного пиджина» – полноценного языка, отличительной чертой которого является только отсутствие людей, для которых он был бы родным. При появлении коллектива таких людей пиджин становится креольским языком (креолом).

В отношении вопроса возникновения креольских языков существует несколько различных точек зрения: теория субстрата, теория релексификации, теория биопрограммы, теория «усвоения второго языка», теория «торга». Остановившись отдельно на каждой из этих теорий, автор монографии заключает, что существуют неоспоримые свидетельства в пользу всех этих теорий. По мнению автора, формирование креольских языков происходит под влиянием как языков субстрата, так и суперстрата, в этом процессе существенную роль играют также и правила «универсальной грам-

матики» и закономерности овладения вторым языком взрослыми.

Ситуация, возникающая, когда одной из постоянно пользующихся пиджином сторон оказываются носители языка-лексификатора и вариативность форм пиджина повышается, называется «постпиджинный (посткреольский) континуум». Следующей – и завершающей – стадией развития пиджинов и креолов является процесс декреолизации. Автор отмечает важность применения методик, выработанных для изучения постпиджинного и посткреольского континуума (в терминах «базилект», «мезолект» и «акролект») при исследовании русских пиджинов.

В вопросе генетической принадлежности пиджинов и креольских языков автор соглашается с традиционной точкой зрения, согласно которой в генетическом отношении пиджины и креольские языки выступают продолжением своих языков-лексификаторов.

Вторая глава посвящена материалам, истории изучения и происхождению контактных языков на русской основе. Здесь автор отмечает встречающуюся некорректность наименований русских пиджинов, приводимых в некоторых зарубежных работах, а также полное отсутствие каких-либо данных, кроме названия, по многим из них. Для русского пиджина, распространенного вдоль российско-китайской и российско-монгольской границы, в Маньчжурии и на Дальнем Востоке, а также во многих районах Сибири, предлагается использовать единое название – *сибирский русский пиджин*. Представляемый в рассматриваемой монографии материал делает данный труд уникальным, так как здесь собрано воссоединенное максимальное, насколько нам известно, количество источников по русским пиджинам. При отборе материала автор пользовался следующими критериями возможности отнесения представленной в источнике формы материала к пиджинам:

- 1) наличие в идиоме ошибок против грамматической системы русского языка;
- 2) отсутствие или непоследовательное выражение большинства грамматических категорий, выраженных в русском языке морфологическими средствами;
- 3) отсутствие сложных предложений, малое число актантов при глаголе;
- 4) отличие от русского языка в порядке слов;
- 5) несовпадение значения большинства лексем со значением соответствующих слов в русском языке;
- 6) представленный идиом должен быть достаточно устойчивым средством межкультурного общения между носителями аборигенных языков с носителями русского языка (или и при общении их

² Согласно высказанной Т. Гивоном идее, наиболее архаичным является порядок элементов в высказывании, который иконически соотносится с их развертыванием в коммуникативной ситуации. Это он и называет «прагматическим кодом» [Givón 1979].

между собой), имеющим (или имевшим в прошлом) какую-то норму «де-факто» или хотя бы «стабильность».

Собранные материалы по русским пиджинам автор группирует следующим образом: а) записанные лингвистами с научными целями и записанные литераторами с целью передачи особенностей речи персонажей, б) записи целых отрывков текста и записи отдельных слов или фразовых примеров, в) записи по памяти и расшифровка аудиозаписей, г) записи языка в живом употреблении и записи, сделанные у информантов-«вспоминателей».

Помимо описания источников, во второй главе излагается подробная история изучения русских пиджинов, начиная с первых упоминаний особого торгового языка в путевых заметках 20-х гг. XIX в. и заканчивая научными работами начала XXI столетия, а также рассматривается вопрос происхождения пиджинов. Автор приходит к следующим выводам: «старые пиджины», существовавшие уже в XVII в., строились по единой модели, не являвшейся ни врожденной, ни «естественной», которую несли с собой освоители новых земель – казаки и купцы. Важнейшим признаком существования некоего протопиджина в то время является зафиксированное в азбуковниках специфическое употребление местоимения *моя* (по убеждению автора, самая надежная диагностическая черта русских пиджинов – это личные местоимения *моя-твоя*), а также использование императивных форм глагола как «абсолютных» и порядок слов SOV. В основе русских пиджинов XIX в. лежал особый код, который становился «ядром» конкретного пиджина, содержал черты, объединяющие «старые» русские пиджины, и которым современные, возникшие независимо пиджины не обладают.

В третьей главе, занимающей, по нашему мнению, содержательно центральное место в данной монографии, представлено описание грамматического строя и лексического состава русских пиджинов, прежде всего дальневосточного варианта сибирского русского пиджина, являющегося основным предметом исследований автора.

Изучение структуры русских пиджинов автор начинает с изучения базилекта как самого «чистого» пиджина. Базилекты делятся на редуцированные и расширенные варианты, эти стадии развития пиджина рассматриваются в работе как отдельные сущности (в частности, для сибирского пиджина и говорки).

Отмечая сложности выбора критериев выделения частей речи в пиджинах и креолах, автор останавливается на применении единого морфосинтаксического критерия для выделения классов слов в редуцированном и расширен-

ном варианте пиджинов, особо рассматривая морфологию выделенных классов (морфология понимается в расширительном смысле³). В редуцированных вариантах русских пиджинов выделяются классы глагола (имеющего только прототипические значения действия или состояния и проявляющего тенденцию к формальному выделению), имени существительного (имеющего неизменяемую форму, не выражающую никаких грамматических значений; особым разрядом здесь предлагается считать личное местоимение, которое имеет неизменяемую форму и может употребляться во всех функциях, свойственных существительному), малочисленный класс наречий, особый небольшой класс атрибутов, включающий детерминанты и числительные, класс служебных частей речи, отнесенных в редуцированных формах русских пиджинов к разряду частиц.

В расширенных вариантах дальневосточного варианта сибирского пиджина появляются грамматические показатели, прежде всего в системе глагола, у последнего возникают аналитические формы. Существительное не имеет словоизменительной морфологии, весьма ограничено сочетается со служебными словами, допускает употребление в атрибутивной позиции, что является важной особенностью, объединяющей сибирский пиджин и говорку, существительное может иметь при себе послелог. Личные местоимения являются подклассом существительных, выполняя в предложении все функции существительного, а также выступая определением к последнему. Оказывается, что стереотипное «моя-твоя» заметно упрощает реальное представление местоимений в русских пиджинах. Появляются также указательные, неопределенные, вопросительные местоимения, часто выступающие в виде дублетов. Выделяется класс атрибутов – неизменяемых слов, служащих в предложении определением к другим полнозначным словам, и класс служебных слов, вычленение которого представляет собой важную проблему при описании сибирского пиджина. Части речи, выделяемые автором в расширенных вариантах сибирского пиджина, показаны в следующей таблице:

Порядок слов в сибирском пиджине стремится к SVO или OVS, если субъект выражен местоимением. Все аргументы предложения выражаются однотипно, формального различия между ними нет, не выделяются и глав-

³ Опираясь на морфосинтаксический критерий выделения частей речи, автор понимает «морфологию» в расширительном смысле, т.е. принимая во внимание «сочетаемость с грамматическими элементами, в том числе со служебными словами» [Алпатов 1990].

служебные ЧР	основные ЧР	другие знаменательные ЧР
(предлоги) (характерны только для мезолектных вариантов) союзы частицы: показатель отрицания видо-временные показатели показатели модальности	субстантивы: имена существительные местоимения послелogi	атрибуты прилагательные
	глаголы	наречия
		междометия

ные члены предложения. Характерной чертой сибирского пиджина во всех его вариантах является сегментация текста на простые предложения, каждое из которых содержит не более двух аргументов, например:

Так худо ходи, его могу стреляй. Его думай наша чушка есть.

‘Так идти нельзя, потому что он может выстрелить. Подумает, что мы кабаны’ (перевод наш. – С. Б.).

В третьей главе также приводится подробное исследование грамматических характеристик мезолектных вариантов русского пиджина на примере конкретных случаев. Завершается первая часть монографии разделом, представляющим собой описание лексического состава дальневосточного варианта сибирского пиджина, где излагаются также принципы составления словаря сибирского пиджина и методика исследования его словарного состава.

Вторая часть монографии представляет собой уникальный сведенный воедино корпус материалов с комментариями и грамматическими замечаниями по пиджинам и другим формам смешанных идиомов, в формировании которых принимал участие русский язык. Здесь можно найти записи высказываний на финско-русском жаргоне, записи диалогов на кяхтинском языке между купцом-китайцем и русской покупательницей, материалы о. Иакинфа (Бичурина), А.А. Александрова, Г. Шухардта, А.Г. Шпринцына, С.А. Врубеля, А. Яблонской, М.М. Хасановой, а также расшифровки собственных магнитофонных записей автора монографии, сделанных в ходе полевых исследований в Приморском и Хабаровском крае РФ в период с 1985 по 2004 годы, значительная часть полевых материалов вводится в научный оборот впервые. Кроме того, в данной работе собраны различные записи пиджина, встречающиеся в художественной литературе. Также здесь приводятся образцы русско-норвежского пиджина руссенорск, отрывок из сказки на говорке,

текст на смешанном медновском языке и даже корпус «бокситского языка» неизвестного автора.

Завершает монографию уникальный словарь сибирского пиджина, где собраны разновременные лексические материалы из различных лингвистических источников.

Несмотря на имеющиеся незначительные стилистические шероховатости и небольшое количество опечаток, монография, несомненно, является значительным вкладом в развитие исследований по русским пиджинам в частности и креолистки в целом и будет интересна и полезна широкому кругу лингвистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 1990 – В.М. Алпатов. Принципы типологического описания частей речи // Части речи. Теория и типология. М., 1990.
- Беликов 1997 – В.И. Беликов. Русские пиджины // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. Сборник статей. М, 1997.
- Белл 1980 – Р.Т. Белл. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1980.
- Перехвальская 2006 – Е.В. Перехвальская. Сибирский пиджин (дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2006.
- Оглезнева 2007 – Е.А. Оглезнева. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск, 2007.
- Оглезнева 2009 – Е.А. Оглезнева. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Томск, 2009.
- Ян Цзе 2007 – Ян Цзе. Забайкальско-маньчжурский препиджин. Опыт социолингвистического исследования // ВЯ. 2007. № 2.
- Givón 1979 – T. Givón. On understanding grammar. New York; London, 1979.

С.В. Бритова